

Близкие люди

РОМАНЫ

ЕЛЕНА РОИНОЙ

Е Л Е Н А   Р О Н И Н А

ПОСЛЕДНЯЯ

гроза,

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р71

Оформление серии *Елены Куликовой*
Фото автора на обложке *Анны Леонтьевой*

Все события в книге вымышлены

Ронина, Елена.
Р71 Последняя гроза / Елена Ронина. — Москва :
Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-206850-8

Подмосковная усадьба «Вязы» жила по правилам своего хозяина. Властный и жесткий Григорий Андреевич держал под строгим контролем не только семейный бизнес, но и всех домочадцев. Он точно знал, как лучше устроить жизнь родных и сам выбирал для них путь. Дочь, ее муж, внуки и даже свояченица — никто не осмеливался ослушаться сурового родственника.

Умирая, мужчина оставляет таинственное завещание, оглашения которого семья ожидает со страхом и трепетом. Все знают: теперь их жизнь изменится. Но никто не мог представить, что их ждет на самом деле...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206850-8

© Ронина Е., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

*Важно выделять фигуру на фоне.
Но иногда фон важнее.*

ПРОЛОГ

ПРАВИЛО БУМЕРАНГА

Усадьба «Вязы» хороша в любую погоду и в любое время суток. И в солнечное утро, и в тихий лунный вечер. Снег ли, ветер, ничего не меняет мирное течение времени.

Построенная еще до революции, она пережила многих хозяев, видела и красивое, и ужасное. Была фоном для праздников и для трагедий.

Отрадно, что стены устояли, две большие галереи с колоннами сохранились белыми, как и было задумано, даже бельведер каждый новый хозяин любовно подправлял. Да, с хозяевами «Вязам» везло. Территории большие — вполне можно было взять разрешение на новые постройки, всегда находятся лазейки в законе. Но что бы досталось потомкам? Усадьба способна сохранить свой монументальный образ, только когда стоит в гордом одиночестве на фоне огромного зеленого пространства. Со всех сторон дом окружен вековы-

ми деревьями, а деревянная лестница спускается к извилистой речке.

Единственное дополнение — последние хозяева пристроили пандус. С недавнего времени не все обитатели усадьбы могли себе позволить лестницу. Все остальное осталось как прежде.

Двухэтажный дом с царским величием благосклонно встречал гостей полукругом строения. Bravo архитекторам из прошлого! Создавалось впечатление, будто бы усадьба слегка обнимает вновь прибывших и одновременно дает свободу покинуть территорию в любой удобный момент.

Большая открытая галерея на первом этаже, жилые помещения на втором: высокие двустворчатые двери, светлые окна — по три в каждом помещении. Весь дом был выполнен в духе позднего ампира, о чем говорили и строгая элегантность, и округлые формы деталей. Витая чугунная ограда тоже сохранилась с давних времен. Слава богу, не выломали, не разворовали, на сплошной забор до неба не поменяли. Да, прежние господа свои богатства не прятали, они гордились достижениями своих дедов и отцов, с гордостью и почитанием продолжали начатое достойными предками дело.

Это сегодня все живут за сплошными заборами. В прошлом веке предпочтения отдавали решеткам. Старались не засаживать легкие заборы ничем вьющимся — каждый владелец усадьбы гордился тем, как он живет. Да

и из окна второго этажа нужно было издалека увидеть, чей экипаж приближается, чтобы успеть выйти и самому встретить гостя.

Марта любила представлять себе придуманную ею бывшую владелицу Софью, девицу восемнадцати лет. Вот уже и срок пришел к замужеству, но она все выбирала. Или ее выбирали? Милая, начитанная, всему обученная. Прелестно пела и танцевала, немного рисовала и владела искусством вышивки, как никто. Один недостаток — небогата. На сезонные балы выезжала регулярно, знакомилась, производила хорошее впечатление (сама Софья в этом нисколько не сомневалась). А потом сидела у окна и ждала, когда же вернется тот кавалер, который обещал ее непременно навестить. Но он все не ехал. А годы шли, утекали, как ручей, сквозь пальцы. Софья бледнела и худела. Так прошли юность, молодость, наступила старость. Как-то в окне показался он, тот самый несостоявшийся кавалер. Она его узнала сразу в старом солдате, опирающемся на палку. Седая голова, мешок за плечами. Софья увидела его в окне и приказала не пускать.

Да! Так придумала Марта! Зло должно быть наказано! Правило бумеранга никто не отменял.

Марта прямо-таки чувствовала присутствие этой ею придуманной Софьи. Как жаль, что оба ее племянника, которых она вырастила в этом доме, мальчишки. Они со-

вершено не прониклись сказкой про Софью. Еще младший, Валька, задавал какие-то вопросы, а старший, Витька, и вовсе не слушал.

Несколько лет назад на вернисаже в Измайлове она увидела портрет молоденькой незнакомки в легком пеньюаре. Марта поняла мгновенно: ОНА! Ее Софьюшка! Влюбилась в картину, купила недорого и повесила у себя в кабинете. С тех пор жизнь в усадьбе не казалась ей такой одинокой. С Софьей беседовала, ей жаловалась. Девушка с портрета единственная в этом доме воспринимала Марту всерьез. Она в этом не сомневалась ни минуты.

Виктор долго хохотал, увидев портрет:

— Да, Марта! Не шедевр. С другой стороны, все-таки не Маргарита. Та, которая от Пиросмани, — любовь всей его жизни. Кривоногая бледная уродина с кладбищенским букетом. Хоть за это тебе спасибо.

— Во-первых, ты сюда никогда не заходишь. Какая тебе разница? А про стиль Пиросмани иди поспорь с дедом, он же у нас коллекционер. Но я рада, что ты так внимательно рассматриваешь картины.

— Еще чего не хватало. Ты прекрасно знаешь, как я отношусь к картинам деда. Мало того что живем в боярской избе, так еще и в пыли повсюду развешанных картин. Моя б воля, все бы повыкидывал.

— Не передергивай. Наша усадьба не изба, и какая пыль от картин? Это же тебе не ковры!

— Только ковров тут и не хватало.

— И потом, эти картины — твой кошелек. Я, конечно, не совсем в курсе, но, судя по сигнализации, которая у нас установлена...

Виктор не дал Марте договорить.

— Кошелек не мой. И не твой, кстати! Даже интересно посмотреть, что будет, когда дед померет? Как эти картины будут по углам растаскиваться?

— Что ты такое говоришь!

Виктор причитания тетушки уже не услышал. Он круто развернулся и уехал на своей коляске. Боль и бесконечные терзания Марты. За что им все это? Все жители усадьбы были в какой-то мере несчастны. Как у Толстого. Или как в каждой семье? Себя Марта несчастной не считала. А после покупки Софьи и одиночество отступило. Что делать? Это ее жизнь. Жизнь при богатой семье.

Тихой гаванью такую жизнь назвать было сложно.

* * *

Дождь хлынул внезапно. Враз темное синее небо стало черным, луна наполовину ушла во мглу, и вода упала на землю, как из ушата, тяжелой массой.

Марта только вышла из ванной, подошла к окну, чтобы задернуть шторы, и тут на тебе.

— Нет! Этого не может быть! Ну почему всегда так?!

Она схватила телефон и начала набирать номер. Пальцы не слушались, она отшвырнула телефон на кровать.

— Очки? Куда я опять их задевала? Боже, боже, за что? Это же не дождь! Это светопреставление. Все рушится! Из-за какого-то дождя. Целый год готовилась к этому дню!

Марта пыталась найти очки, но в ответственный момент их никогда не оказывалось под рукой. Очки обнаружили в ванной. Господи, ну зачем она их взяла с собой в ванную?! Пора уже перестать быть такой мнительной и в сто пятидесятый раз перечитывать этикетки на всех баночках.

Очки меняют жизнь, ты становишься еще медленнее. А Марта с возрастом еще и стала мнительной. Откуда эта идиотская идея, что ее хотят отравить? Кого осчастливит ее смерть? Денег у нее нет, а хоть какую-то пользу усадьбе она все же приносит.

— Алексей! Прости меня, я знаю, что уже поздно, но ты видишь, что творится? Розам не пережить эти удары! Что значит «поднимутся»? А если нет?! Умоляю тебя, приезжай. Приезжай немедленно. Что я должна сделать, чтобы ты приехал? Нет, выйти за тебя я не могу, прости, внуки не позволят.

Марта улыбнулась и слегка успокоилась. Ну надо же... Неужели ее только что позвали замуж? Или это все-таки было про розы? Но, как ни странно, дождь уже не казался ей таким смертельным.

* * *

Григорий Андреевич тяжело поднялся из своего вольтеровского кресла, Алена заметила, что сегодня ему опять понадобилось опереться о подлокотник, рука при этом слегка задрожала. Ей потребовалось некоторое усилие слегка притормозить себя и не броситься на помощь. Фролов тем не менее движение заметил и слегка усмехнулся. Воспитал, стало быть. За пять лет. А ведь какое-то время она видела его лежащим. Страшно вспомнить тот стыд и неловкость.

Алена чувствовала его страдания. По глазам и стиснутым зубам. Она все и всегда чувствовала. Не то женщина, не то ребенок. Как было к ней не привязаться?

Именно она поставила Фролова на ноги. Никто не верил, а она тогда одними губами прошептала: «У нас получится. Вы только доверьтесь мне. Нужно довериться», и он доверился. Через боль, через силу.

Она подарила ему еще несколько полноценных лет. Пять лет жизни, активности, а может, и любви.

Подняться с кресла получилось не с первого раза. Фролов немного постоял, голова опять закружилась, но

он не имел права плюхнуться обратно. Он видел: Алена напряженно наблюдает, хотя делает вид, что ничего не происходит. Значит, сделаем пару шагов к окну. В конце концов, всегда можно опереться на массивный дубовый подоконник, да и за тяжелые бархатные шторы можно зацепиться, если вдруг падать начнет. В этот момент он вдруг ясно почувствовал, что устал. И на самом деле ему практически все равно, упадет он сейчас или нет и увидит ли это Алена. Сколько можно цепляться за жизнь? Вылавливать взглядом подоконник, шторы, колонны или высокие барные столы, чтобы было за что ухватиться, если что. Жить нужно, шагая легко и непринужденно. А когда вот так...

Григорий Андреевич попытался выгнать навязчивые мысли из головы. Зачем это он? Что за странная непозволительная слабость?

Фролов практически твердым шагом дошел до окна:

— Опять дождь, вроде бы ничего не предвещало, и надо же, как ливануло. Марта расстроится. Прибьет ее розы. На какое число намечен в этом году праздник цветов?

— Дней через десять. Да, завтра всем нам тут мало не покажется. Труд целого года поставлен под удар. Но главное, чтобы дождя не было в день праздника.

— Не люблю дождь. В дождь перестраивается природа, как будто и всем ненавязчиво напоминает: все старое смыли, начинаем с чистого листа.

— И что в этом плохого? С чистого листа всегда хорошо.

— Не скажи. Кто-то перестроится, кого-то может и смыть.

— Мне не нравится ваше настроение сегодня. Как вы себя чувствуете?

— Кое-как. — Почему-то не хотелось врать, не хотелось изображать из себя бодрого и веселого.

— Так. Я вызываю врача. — Алена поднялась со своего стула

— Да погоди ты! Не суетись. Это все терпит. Лучше ты скажи, как сама?

— У меня все в норме. Моя бабушка всегда отвечала в таких случаях: в соответствии с возрастом.

— Береги себя. Для меня очень важно, чтобы все у тебя в этой жизни сложилось хорошо. Фильм такой был раньше — «И дождь смывает все следы», с женой покойной вместе смотрели. Не видела?

— Нет.

— Ну да, другое поколение, другие фильмы, другие книжки, хотя какие сегодня книжки, кто их читает? Ты читаешь?

— Мало. Вы правы, в основном профессиональную литературу.

— Вот видишь... Книжек нет, вместо фильмов сериалы. Как ни войдешь к Веронике — у нее всегда сериал включен.

— Если бы вы стучались, она бы его выключала.

— В своем доме я ни к кому стучаться не буду. Есть возможность закрыться на замок. Не закрылась — значит, не против. М-да, про фильм. Наивный такой, зло

всегда наказывается, правило бумеранга существует. Ты веришь в бумеранг?

— Не знаю. Бумеранг — это справедливость. А есть ли в этой жизни справедливость? Сомневаюсь. Если с вами что случится, меня тут загрызут.

Алена подошла к Фролову, положила руку ему на плечо и слегка прикоснулась головой к его щеке. Она умела быть нежной, не нарушая границ. Фролов перехватил ее руку, на глаза навернулись слезы. Неужели все? Он постарался, чтобы голос звучал уверенно:

— Я не дам тебя в обиду. Не думай о них плохо. Сам все знаю, но они все родные мне люди.

— Простите, иногда не укладывается в голове.

— Если что-то с ними не так, я виноват в этом сам. Всю жизнь работал, на семью времени не было, да и интерес мой был всегда вне дома. Детьми нужно заниматься, вкладывать в них свое время, душу. А я что? Я не воспитывал, а откупался. Вероника ни в чем не знала отказа, и вот результат.

— Не наговаривайте на себя. Вы всегда ее очень любили, а вот кого любит она?

— Надеюсь, что Вероника тоже знает, что я ее любил и люблю. Все, что делал, в первую очередь из любви к ней. Ты всего не знаешь — у нее непростая жизнь. Давай не будем это обсуждать.

В голосе Фролова появились металлические нотки, и он слегка отпустил руку своей помощницы.

Алена пожалела, что не сдержалась. К чему? Григорий Андреевич прав. Это его дочь, его внуки, его семья.

Она всего лишь сиделка, тренер по физкультуре, возведенная благодарным хозяином в ранг помощницы.

Она не сразу поняла, что он не отпускал ее руку специально, не хотел, чтобы она почувствовала внезапно возникшую слабость.

— Григорий Андреевич? Вы меня слышите? Миленький мой, не молчите! Подождите, сейчас!

Алена постаралась не поддаваться панике. Довела Фролова до его кресла, тут же набрала номер скорой помощи.

— Держитесь, ну же! Мы с вами и не из таких передряг выползали.

Фролов вымученно улыбнулся в ответ:

— Устал я, понимаешь, ползать. Привиделось мне, что в другом мире опять смогу ходить нормально. И может, даже летать. А? Как думаешь? Чем черт не шутит? Или сейчас уже черта лучше не упоминать?

* * *

— Дождь. Опять льет дождь. Завтра Марта устроит истерику. Это ведь надо! Человек любит цветы больше, чем своих родственников, и не скрывает этого. Удивительно, как это она еще не выскочила во двор и не разбудила Лешу? — Александр отошел от окна.

— Выскочит еще, не волнуйся. А ты правда уверен, что кто-то в этом доме любит своих родственников? Мне бы ее заботы. — Вероника пыталась снять покрывало

с кровати. — Черт, кто придумал так заправлять постель? Кому все это надо?

— Я думал, тебе, это же ты у нас живешь по европейским стандартам. И гоняешь горничных, если полотенце не в цвет постельного белья?

— И что? Может быть, тебе это не нравится?

— Мне все равно, и ты прекрасно это знаешь. В моей семье полотенца были только вафельные.

— Я помню! И не нужно мне об этом бесконечно напоминать! Я прекрасно помню, что ты женился не на мне, а на моих деньгах.

— Ну, это было давно, по-моему, мы давно этот вопрос уже уладили, и я с лихвой извинился. — Александр помолчал. — Но денег не дам.

Вероника бросила покрывало и нервно зашагала по комнате. Как всегда, когда она нервничала, она начинала крутить — разминать — запястья. «Какие у нее все же красивые руки», — пронеслось в голове у Александра. И вообще, его жена — тетка без единого недостатка. Внешне, во всяком случае. Когда он научился думать о своей жене отстраненно? Давно уже. Иногда ему казалось, что он смотрит кино. Все, что касалось бизнеса, — это жизнь. А семья — сериал без начала и конца. Ссоры сменялись перемириями, измены тут же вымарывались, и было непонятно, где правда, где ложь. Что было на самом деле, а что специально придуманная история, где сценаристами подрабатывали все. Жена, когда нужно было что-то скрыть, старший сын, когда нужно было что-то попросить. Но самым талантливым в этой очереди

был свекор. Он старался не за гонорары, а из любви к искусству. Да уж, семейка.

В последнее время в голову все чаще лезли мысли: а если бы он знал, что его ждет впереди? Согласился бы он на этот брак? Ответа у него не было.

— Ты так ни разу внятно не объяснила, зачем тебе такая крупная сумма. Я не банкир.

— Траст хорошо закончил год, ты себе выплатил приличные дивиденды.

— В кои-то веки ты начала интересоваться семейным бизнесом.

— Прекрати! Я не добровольно самоустранилась, ты прекрасно это знаешь. Отец меня не хотел видеть в бизнесе. А вот сейчас есть возможность... — Вероника пыталась подыскать верные слова. — ...вложить деньги в строящуюся клинику...

— Вложить деньги в строящуюся клинику — это то же самое, что вложить деньги в строящийся космический корабль, который через десять лет отправится на Марс... И потом... денег нет. Я их уже вложил. Надеюсь, успешно.

— Отлично! Молодец!

— Не кричи!

— Мой дом! Хочу и кричу! Почему ты опять все решаешь сам? А я? Отец в курсе?

— Интересно, что, когда это тебе выгодно, ты сразу вспоминаешь отца.

Вероника подошла вплотную к мужу:

— Я больше никогда тебя ни о чем не попрошу. Клянусь тебе.

— С этим у тебя всегда и все в порядке. Клясться ты умеешь.

— Это в последний раз. В конце концов, это мои деньги.

— Ну, во-первых, это деньги твоего отца. И твой отец — человек умный, спохватился вовремя, когда понял, что ты его денежки можешь пустить на ветер или еще бог знает на что. — Александр выдержал полный ненависти взгляд жены. — Принял единственно верное решение, чтобы за деньги в нашей с тобой семье отвечал я. Как мне кажется, ты ни в чем не нуждаешься. На твой карточке всегда достаточно средств.

— Не приплетай отца. Мой отец — страшный и жестокий человек. Всех вокруг себя держит в страхе. Ты думаешь, что у него нет компромата на тебя?

— А я веду себя честно и открыто.

— Так не бывает. Ты давно уже варишься в этом мире богачей и подонков. Неужели не понял, что если компромата нет, то его легко придумают? А еще есть правило бумеранга. Оставил меня без гроша, еще и издеваешься?

— Ты сама себя оставила без гроша! Скажи спасибо себе. И да, про бумеранг — это ты права. Но если ты и дальше намерена себя так вести, бумеранг стукнет тебя своим кривым серпом снова.

— А может быть, нужно посмотреть на себя?

— Я работаю как вол.